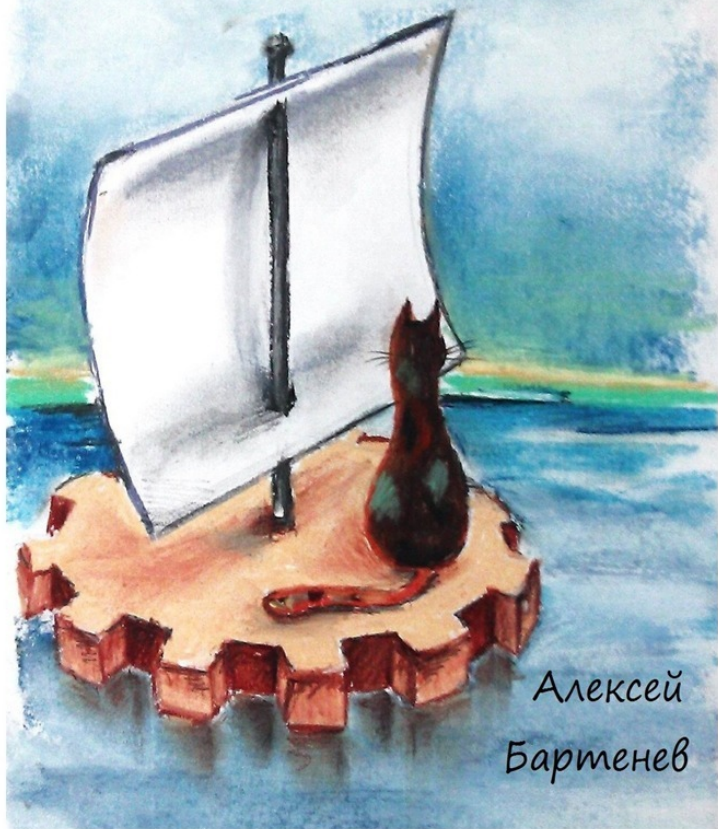

Сказка, повесть и
рассказ

Алексей
Бартоменев

Алексей Бартенев
Сказка, повесть и рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30804952

ISBN 9785449060280

Аннотация

В этой книге три истории. Сказка про плотника, который сделал необычные часы. Повесть о девочке и разноцветном коте. И рассказ о детской дружбе и предательстве.

Содержание

Деревянная гроздь	5
1	5
2	11
3	18
4	34
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сказка, повесть и рассказ

Алексей Бартенов

Иллюстратор Алексей Бартенов

© Алексей Бартенов, 2018

© Алексей Бартенов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-6028-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревянная гроздь

1

Когда-то, давным-давно, в одном маленьком городе, жил плотник. Помните сказку Буратино? Там у шарманщика Карло был сосед. Плотник Джузеппе. Его еще звали «Сизый нос» потому, что он очень любил вино. Так вот, тот плотник, о котором пойдет речь в этой истории, был не таким. Он был мастером, самым настоящим. Причем, настолько искусным, что мог сделать из дерева любую безделушку. Все его уважали, хотя и немного сторонились. Потому что был он человеком замкнутым, и слегка странноватым. Что тут греха таить, мы все с небольшой странностью. Однако он отличался тем, что всецело отдавался своему делу. Принесет ему кто-нибудь форточку свою развалившуюся, и скажет: «Отремонтируй, пожалуйста. Невозможно без нее спать. Комары ненасытные съели всего, места живого не осталось». Мастер возьмется за работу, и через день заказ готов. Только выглядит форточка эта, как произведение искусства. Резная, да с завитушками. И окно, словно новее становится от нее, краше и наряднее. А с ручками на инструменты, так вообще, отдельная история. Почти в каждом доме есть лопата, или топор, или вилы, сделанные руками мастера. И стоят они, инструменты

эти, в красном углу, и ими никогда не работают. Потому, что душа не позволяет прикоснуться к красоте такой.

И только дети, относились к нему как-то иначе, чем взрослые. Настрагает он им свистулек и корабликов, а они радуются. Носятся с ними, играют. Не боятся сломать, или испортить. А родители гоняют их, да наказывают, чтоб не ходили к мастеру без дела, и не отвлекали старика.

Жил он на окраине, в построенном им же самим, уютном маленьком домике. Внутри было три комнаты, и мастерская. В одной комнате разместилась кухня, в нее можно было попасть сразу из коридора, в другой он хотел сделать что-то вроде кабинета. Обставить высокими стеллажами, чтобы потом заполнить их книгами, собрать массивный письменный стол, за которым хорошо бы думалось. Возле стола обязательно должен стоять резной стул, с высокой спинкой, и мягким сиденьем, на котором бы легко и приятно сиделось. Третья комната – это спальня, с кроватью и тумбочкой.

Как вы уже догадались, до кабинета очередь так и не дошла. Поначалу заняться воплощением задуманного не позволяла нехватка времени. Позже, когда оно у него появилось, оказалось, что кабинет превратился в чулан, заваленный всякой всячиной, которая со временем собирается, и выбросить ее ну никак нельзя. Безусловно, отсутствие кабинета тяготило его, но великой нужды в нем не было. Это как давняя детская мечта, которая не дает тебе покоя. Ему просто хотелось, чтобы он был. Зачем? Не знаю. Поразмыш-

лять он мог и за кухонным столом, а заняться расчетами и работой, в мастерской. Но, ведь и без чулана жить не совсем удобно. Поэтому, всякий раз, проходя мимо этой комнаты в мастерскую, он обещал себе, что непременно, скоро займется наведением там порядка, и изготовлением кабинетной мебели. На обещании все и заканчивалось. И скорее всего, в глубине души он понимал, что кабинета у него никогда не будет.

Рядом с этой мечтой жила другая. Она появилась немного раньше мечты о кабинете, и была не настолько несбыточной. Это была мечта о том, что однажды он сделает что-то удивительно прекрасное. То, что принесет ему всеобщее уважение, а жителям города радость, и пользу. К сожалению, изобретать он не умел, хотя постоянно пробовал, и пытался. Поэтому он решил сделать часы. Нет, не городские огромные часы, которые стоят на высокой башне. Для таких часов нужны немалые деньги, и специальные инструменты. Он решил сделать другие часы. Они стояли бы на площади, спрятанные в красивую коробку. Любой прохожий, за небольшую плату, мог бы узнать который час. Плата была бы самой минимальной. Можно даже сказать символической.

Изготовил он их не сразу, а очень долго, и кропотливо вначале все рассчитывал, и рисовал. Потом проверял, и заново перерисовывал. Когда приготовления были окончены, он взялся за работу. Самое удивительное то, что вопреки здравому смыслу, он решил сделать их из дерева. Все, от стрелок

и до самого маленького винтика. Вы спросите: «Почему?» Да потому, что плотник знает все про дерево, и умеет с ним работать. К тому же в округе их росло немало, и можно было не задумываться о поиске строительного материала.

Прекрасно разбираясь в свойствах пород древесины, он был слегка озадачен тем, что в механизме они вели себя иначе. Поиск необходимой для точной работы комбинации, оказался очень трудоемок. Нужно было вначале сделать шестеренку, установить на свою, сделанную специально для нее ось, и посмотреть, как она цепляется за другую шестеренку. И если все работает не так, как задумал мастер, то менять породу дерева, и все делать заново. И пусть первые его часы были предельно простыми, и состояли всего из тринадцати деталей, но на их изготовление он потратил целый год, и потерял даже часть своей души, которая оказалась запечатанной в этой небольшой коробочке. Можно сказать, что он вложил душу в свою работу.

Коробочка появилась, как и было задумано, на площади, и была принята обществом, как удивительное, и, безусловно, полезное творение мастера. Он ходил, гордый собой, и от переполнявшей его важности, раздувал щеки, и шевелил усами. Мастер посещал свой механизм дважды в день. Утром, чтобы завести его, и проверить точность работы, и вечером, чтобы собрать деньги. Все ведь знают, что оставлять монеты на ночь нельзя. Они должны храниться или в специальном сундуке, или в кошельке, плотном и завязанном. Как лю-

ди, которые ночью спят под одеялом. И это не для того, чтобы было теплее, а чтобы не стыдить небо своей наготой. Вот и монетки, не должны ночью видеть друг друга. Если этого не делать, то деньги могут поссориться, и сбежать. Или заболеть, и пропасть вовсе.

Приблизительно через полгода, плотник осознал, что проект оказался успешным. Тогда он, решив обеспечить себя регулярным доходом, задумал поставить такие часы в нескольких районах своего города. В его мастерской вновь закипела работа. Но теперь все оказалось гораздо проще, чем в первый раз. Опираясь на опыт, и знания, приобретенные при создании первого «ящика времени», за следующие полгода он смог смастерить еще пять таких замысловатых устройств. Они заняли наиболее оживленные части города: парки, где частенько встречались и прогуливались влюбленные, и рыночные площади. Теперь практически все время у него уходило на то, чтобы обслуживать их. Однако к вечернему сбору прибыли он по-прежнему, относился, как к прогулке перед сном.

Прочих заказов, становилось все меньше, и меньше. Люди видели, как сильно занят мастер, и не хотели обременять его своими просьбами. Регулярные доходы начали менять его, как внешне, так и внутренне. И вскоре он стал относиться к своим творениям как к чему-то приносящему материальную выгоду, а не как к необходимому людям изобретению. Некоторое время спустя, он уже знал, сколько монет будет

в конце дня в каждой из коробок. Пока одна из них не стала приносить меньше денег, чем раньше. С этого времени и начнется наше повествование.

Итак, знакомьтесь! Ленистр. Был он худ, со сверкающей лысиной на макушке, и большими моржовыми усами, которые, казалось, растут у него прямо из носа. Сейчас он сидел на кухне, и готовился хорошенько позавтракать. Завтрак состоял из двух яиц, булки, и ароматного кофе. Сытый, и счастливый он откинулся на диван, и глядя на пустой стол, задумался. Мысль о том, что его первая, самая выгодная, и самая любимая коробочка времени стала менее прибыльной, не покидала его голову с вечера вчерашнего дня. Из остальных пяти он доставал одно и то же количество монет, а из этой – нет. Чтобы разобраться в чем дело, он решил проследить, и подсчитать всех своих клиентов. Сразу после утреннего обхода, Ленистр приготовился, запасся едой, и отправился на пост. Там он уселся на сделанную им давным-давно походную табуретку, и наблюдая за голубями, облюбовавшими площадь, старался не упускать из виду свое творение.

Мысли, рождаемые на свежем весеннем воздухе, больше походили на клубы дыма, кружащие, и образующие витиеватые завитушки. Они напоминали оживший рисунок на морозном стекле. Переплетались между собой, таяли, и появлялись вновь. Одна из них была такой яркой, что выбивалась из общего ансамбля танцующих узоров. Это была мысль о том, что не дожидаясь, пока люди придумают его короб-

кам свои, не всегда красивые названия, нужно самому как-то их наименовать. То есть дело Ленистра подошло к тому моменту, когда перестало быть простой забавой, а становилось чем-то с именем. А имя приобретает только то, что имеет свое отличие, или особенность. Возьмем, например, табуретку. Как она появилась? Скорее всего, родилась из камня, на котором сидели, затем трансформировалась в пенек, из которого убрали все лишнее. Сделав ЭТО легким, и устойчивым, люди получили табурет. А вот он, обрстая спинкой, и подлокотниками превратился вначале в стул, а затем в кресло. Вершиной такой эволюции, конечно, является трон. Он не только удобный, он еще и подчеркивает статус и величие того, кто даже не сидит, а восседает на нем.

Так вот, кто может сказать, как называлось то нечто, на котором сидели до появления табуретки? Как назывался тот камень, или пенек? Правильно – никак. Ну, или «камень, на котором сидят».

В название своих коробок Ленистр хотел вложить и то, что они давали людям, и часть себя. Его мысли кружились вокруг слов связанных со временем, его профессией, и формой емкости, в которую заключен механизм. Но это должно быть не длинное слово. Идеальным было бы то, что нельзя переделать в ругательство. Выбирая между «Тайм-мастер», и «Короб времени», он, обнаружил, что слово «Таймомер» еще никто не придумал. Решив, что это лучшее название, он задумался над тем, как ему теперь сообщить об этом всем

жителям. Сидя, и размышляя над этой задачей, он не сводил глаз с таймомера, и вел учет каждого, кто подходил, и опускал туда монетку. К концу дня посетителей было ровно пятнадцать. Именно столько монет было всегда. По крайней мере, до того, как цифра стала уменьшаться. По расчетам Ленистра она могла только увеличиваться, но, никак не становиться меньше. Выходит, кто-то все-таки крал часть его прибыли. Мастер встал со своего табурета, сложил его, и засунув подмышку, быстрым шагом подошел к таймомеру. Он достал специальный ключ, вставил его в резное отверстие, провернул, и откинул верхнюю плоскость. Проверив механизм, и заведя пружину, он достал все три лоточка монетоприемника, и высыпал их содержимое к себе в мешочек. Затем, запер механизм, и отправился домой. Шагая по дороге, он думал, что стоит еще понаблюдать за своей коробкой, чтобы понять, как у него воруют деньги. А может, даже увидеть этого воришку. Ленистр попробовал его себе представить. В фантазии плут был похож на маленького бельчонка, или бурундука. Он запрыгивал на коробку, и держась за боковую стенку своими цепкими лапками, с помощью хвоста отпирал замок. Затем, воровато озираясь вокруг, запускал жадную конечность в недра механизма, и похищал одну монетку. Увлечшись этим занятием, мастер только на пороге дома вспомнил, что другие таймомеры тоже требовали время на обслуживание. Поэтому, забежав внутрь, и оставив мешочек с монетами в мастерской, он отправился к другим ма-

пинам.

Ленистр, потративший кучу времени на слезку, вернулся домой поздно вечером. Совершенно измотанный он поужинал, и повалился спать. Засыпая, он пришел к решению, что ему нужен помощник. Один он уже едва успевал. Но это должен быть верный человек. Друг. К сожалению, настоящих друзей, среди кучи всевозможных знакомых, у него не было. И, чтобы не потерять прибыль, он решил нанять человека со стороны. Это должен быть такой помощник, который не сможет придумать хитрость, чтобы украсть. Но, в то же время, его можно было бы научить управляться с инструментами. Нужен кто-то честный, и умелый. Честных еще называют наивными, или глупыми. Дураки не умеют обманывать. Слабоумные люди. Или дети. И он понял, что ему нужен взрослый, с наивной душой ребенка. Но где такого найти? Ответ на этот вопрос привел его в дом, где лечили душевнобольных людей. Скорее, даже не лечили, а содержали. Ведь душу очень сложно вылечить.

На пороге Ленистра встретил смотритель, который, выслушав плотника, задумался, и от этого, его лицо сделалось серьезным. Он сурово взглянул на своего гостя, сверкнул черными глазами, и предложил пройти с ним, и вместе посмотреть на обитателей здания. Они бродили по коридорам и комнатам, останавливаясь у каждого «постояльца». Так смотритель называл своих подопечных. Порой их болезнь не видна глазу. А порой они даже и не знают, что больны.

Для кого-то они были пугающе странные, и вызывающие отвращение, для кого-то наивно милые. Ленистр не боялся душевнобольных. Он понимал, что у этих людей что-то случилось с мировосприятием, и они теперь видят все по-другому. Плотник и смотритель долго бродили по коридорам и комнатам, и пытались в здешних сумасшедших разглядеть будущего помощника мастера. Поиски осложнялись тем, что Ленистр не представлял, как он должен выглядеть. Он не знал, кого ему искать. Он полагался на интуицию, и ждал, что она подскажет хоть что-нибудь. Сделает намек. Но она молчала.

Прогулка по лечебнице не принесла никаких результатов. И снова привычный график запланированных работ, трещал по швам. Наступал вечер, и мастеру надо было отправляться к своим коробкам. Заводить в них пружины, вынимать монеты, осматривать механизмы, и проверять точность их работы. Собираясь, в ставшую регулярной, вечернюю прогулку, он вдруг вспомнил, что те мешочки с деньгами, что он принес вчера, так и лежат на его столе. Ленистр подошел к ним, и стал по очереди развязывать, и пересчитывать деньги. Он вел строгую бухгалтерию, и хотел, чтобы у него все было точно. Раскрыв старую амбарную книгу, он вытряхивал на ее страницы содержимое каждого мешочка, пересчитывал, и складывал монеты в специальный сундучок, а на освободившихся страницах записывал результат.

Там были шесть колонок цифр. Отличалась только первая. В ней, если проследить от самого начала, число росло,

потом какое-то время было стабильным, а теперь уменьшалось. Вот уже неделю вместо привычных пятнадцати монет он доставал четырнадцать. Все еще находясь в мыслях, связанных с посещением лечебницы, он отрешенно высыпал содержимое первого мешка на раскрытую книгу. Пустую холщевую емкость он аккуратно свернул в трубочку, и засунул за пояс. Быстро пересчитав, он сгреб монеты в горсть и высыпал их в шкатулку. Потом взял перо, обмакнул в чернила, и написал в первой колонке «13». Потом были вторая, третья, четвертая, пятая, и шестая. Закрыв шкатулку, Ленистр посмотрел на страницы книги, чтобы убедиться, что чернила высохли, да так и замер с ней, поднятой к самому носу. Только сейчас до него дошло, что написанное им число из четырнадцати превратилось в тринадцать. Как это произошло, он не знал. Он был твердо уверен, что если посетителей пятнадцать, то и монет должно быть столько же. В магию и колдовство он не верил. Он верил в обман, и хитрость людей. Его обманули. Но где, когда? Злоба, рожденная бессилием, стала подниматься из середины груди к его вискам. Щеки приобрели пунцовый оттенок. Он открыл рот, и громко закричал. Гнев вышел из него вместе с криком. Пришла собранность. В голове зрел новый план. Но вначале нужно было убедиться, что вчера он забрал все монеты. Что если, одна, или две завалились куда-нибудь? Нужно проверить, и осмотреть весь механизм. Полный решимости, Ленистр захлопнул книгу и убрал шкатулку с деньгами. Потом вышел из мастер-

ской, и пошел к выходу. Накинул на худые плечи плащ, постоял возле двери, собираясь с мыслями, кивнул, и открыв дверь, шагнул на улицу.

Так быстро он не ходил уже полгода. Он словно летел, ловко перепрыгивая лужи, и лавируя между встречными прохожими. Вскоре Ленистр стоял перед своим творением, сжимая в руке деревянный ключ. От волнения пальцы вспотели. Глубоко вдохнув, он медленно выдохнул, и вставил ключ в замочную скважину. Раздался щелчок отмыкаемого замка, и верхняя крышка слегка дрогнула. Плотник откинул ее, и заглянул внутрь. Механизм был прост, и Ленистр еще раз убедился, что пропасть и завалиться куда-нибудь деньги не могли. Он извлек лоточки монетоприемника и ссыпал их содержимое в мешочек, который вытащил из-за пояса. Решив не пересчитывать монетки сразу, он отправился к другим коробкам.

По возвращении домой, он взволнованный, и без аппетита, достал свою книгу, и приготовил перо. Глубоко вдохнув, он развязал шнурок, и высыпал содержимое первого мешка на страницу. Монет было ровно тринадцать.

«Прямо детектив какой-то» – родилась мысль в голове. Она принялась кружиться, повторяясь снова и снова. Она мешала думать и сосредоточиться. В конце концов, Ленистр заставил себя поесть, и лег спать, решив, что это будет лучшим завершением для такого безумного дня.

Он пришел, как только освободился. Смотритель лечебницы узнал его, улыбнулся, и предложил пройтись снова, и еще раз осмотреть постояльцев. Они двигались медленно по коридору, иногда останавливаясь, чтобы понаблюдать за кем-нибудь. Беседа, которую они вели между собой, больше напоминала разговор двух старых приятелей. Один рассказывал, что его замучили боли в спине, а другой делился мистической историей о пропадавших ежедневно монетах. Однако, всякий раз, когда они останавливались около очередного постояльца, разговор менял свое русло, и касался особенностей пациента. Тщательно выслушав смотрителя, и иногда задав интересующие его вопросы, Ленистр брал своего спутника под локоть, и они отправлялись дальше. Вскоре комнаты и коридоры закончились, и они вышли во двор лечебницы. Там, возле огромного раскидистого дуба, который рос в самой середине двора, сидел парнишка, лет тринадцати. Погода была теплая, и он расположился прямо на траве, в тени могучих дубовых веток. Сложив ноги по-турецки, он что-то строил из подручного материала. Небольших веточек, причудливой формы, и старых кубиков, с облупившейся краской.

– Я почему-то не припоминаю его. – Задумчиво сказал Ленистр. – Кажется, его не было в прошлый раз.

– Вполне возможно, что он ходил где-то, или отлучался по нужде. – Предположил смотритель.

– А чем он болен? – Поинтересовался Ленистр.

– Он не умеет разговаривать.

– Глухонемой?

– Нет, он все слышит, но не может, или не хочет говорить. – С грустью в голосе ответил смотритель.

– А если его научить писать? – Предложил мастер.

– Напрасно. – Смотритель вздохнул. – Мы пытались, но увы... безуспешно. Он внимательно посмотрел на Ленистра. Плотник не сводил глаз с мальчика.

– Я хочу вас предупредить. Дело в том, что это особенный юноша, и если вы хотите стать опекуном для него, мы должны быть уверены, что вы готовы стать для него другом, и не предадите в случае появления каких-то трудностей. Предательство ему е знакомо. А возвращение сюда нанесет ему глубокую рану.

Ленистр смотрел, как парень аккуратно, и ровно строил свое нечто, и понял, что лучше ученика, и помощника ему не найти на всем белом свете. Вот наконец и настало время разделить свою мастерскую с кем-то еще.

– Можно мне поговорить с ним? – Гость с нескрываемым интересом смотрел на юного строителя.

– Давайте у него самого спросим. – Сказал смотритель, и присел на корточки. – Здравствуй, Варо! – Он подождал, пока мальчик повернет голову и посмотрит на него. Затем

он продолжил. – У этого человека своя мастерская, хочешь, он научит тебя работать с деревом?

Варо сидел, и делал вид, что не слышит. Но, он лишь делал вид, и те двое, которые находились рядом, заметили это. Плотник тоже присел на корточки, и поздоровался. Варо взял кубик, который стоял на вершине конструкции, и дал его Ленистру.

– Я плотник. – Сказал мастер. – И знаю про дерево почти все. Например, этот кубик из березы. Она теплая, и белая. А еще она очень красивая, особенно весной. – Он протянул для знакомства правую ладонь. – Меня зовут Ленистр.

Вместо ответа на рукопожатие, Варо положил в нее еще один кубик. Потом поднялся, и хитро улыбнувшись, пошел через двор в здание.

– Мне кажется, на сегодня достаточно. – Подвел итог смотритель – Пойдемте, я вас провожу.

Не проронив ни слова, они подошли к выходу. Ленистр попрощался, но перед уходом спросил разрешения прийти завтра, чтобы навестить Варо.

В течение недели, плотник каждый день приходил в лечебницу. Вначале, он приносил что-нибудь с собой, чтобы показать Варо, и рассказать об этом. Чаще всего это были кусочки древесины, с красивым, или необычным рисунком годовых колец и прожилок. Парень с интересом слушал мастера, держа в руках принесенные образцы. Он, как бы запоминал их на ощупь, добавляя то, что чувствовал к зрительному

образу. А еще, ему нравилось, как дерево звучало. Каждая дощечка, каждая щепочка или ветка имели свой голос. Он постукивал по ним кончиком ногтя, и слушал.

Когда прошла еще неделя, Ленистр начал забывать о том, для какой цели ему понадобился ученик. Он так увлекся этим юношей, что с нетерпением ждал следующего дня, чтобы снова с ним встретиться, и поговорить о чем-нибудь. Да, именно поговорить. Я не ошибся. Потому, что у него появился не только слушатель, но и собеседник. В это трудно поверить, но можно разговаривать даже с немым человеком. Вполне достаточно того, что он будет кивать, соглашаясь с вами, или осуждающе качать головой. Есть, в конце концов, язык жестов, который все без исключения знают. В общем, две одинокие родственные души встретились, и теперь наслаждались общением. Это не всегда была какая-нибудь беседа, порой они, молча, прогуливались по двору. А потом, также молча, не проронив ни слова, прощались до следующего дня.

В один из таких визитов, Ленистра пригласил к себе в кабинет смотритель лечебницы. Они расположились каждый на своем стуле, по разные стороны старого письменного стола.

– Не возражаете, если я закурю? – Спросил хозяин кабинета, и получив положительный ответ, выдвинул на себя ящик. Из него он извлек кiset с табаком и трубку. На затертую столешницу он положил листок бумаги, и стал наби-

вать над ним чубук. Большим пальцем он утрамбовывал табак до необходимой плотности. Крупинки, которые падали на бумагу, потом отправились обратно в кiset. Когда курительная емкость наполнилась, смотритель взял трубку в руку, встал, обошел вокруг своего гостя, подошел к окну, и открыл его. Из кармана пиджака он достал спички. Покрутив коробок, он вынул одну, но перед тем как чиркнуть ею, спросил:

– Вы не задумывались над тем, что наша жизни чем-то схожа с этим коробком? Смотрите, я беру спичку, и зажигаю. Она вспыхивает очень ярко, а затем, едва не погаснув, разгорается. Можно, наклонив ее, усилить горение, или потушить. – Спичка, догорев почти до пальцев, погасла. Смотритель взял в зубы трубку, и, чиркнув новой спичкой, поднес занявшийся огонек к табаку. Дважды затянувшись, выпустил густой клуб дыма.

– Я хотел бы вам рассказать историю о том, как Варо появился здесь. Потому, что вижу, вы, в некотором роде, привязались к нему.

– Вначале, я тоже думал узнать от вас о нем, но потом задумался. Вдруг это изменит мое отношение? Что я буду делать, если знание отнимет у меня друга?

– Понимаете, мне бы тоже не хотелось, чтобы вспыхнувший между вами огонек погас, так и не согрев своим теплом ваши души, и не раскурив трубку вашей дружбы.

Смотритель дважды затянулся, и выпустил очередной

клуб дыма. Он вернулся на свой стул, и откинулся на его спинку.

– Вы достали из коробка спичку не похожую на другие. Но вы сделали это для чего-то. Просто так спички не достают. И уж тем более не зажигают. – Продолжал он.

– Я хотел, чтобы стало светлее. – Ленистр, не мигая, смотрел на собеседника.

– То есть огонь, рожденный спичкой, поселился бы в лампе?

– Да, на кухонном столе, где мы сидели бы вдвоем, и пили остывающий чай.

Смотритель улыбнулся, и запыхтел потухающей трубкой, наполнив комнату ароматом хорошего табака.

– Произошло это лет двенадцать назад. Меня только-только назначили смотрителем этого заведения. Все новое, необычное. Тогда мой день пролетал часов за шесть. Я ничего не успевал, но это ничуть не огорчало, скорее радовало. Получалось не все, порой я словно натыкался на невидимые преграды. Но, воспитывали меня воином, настойчивым и терпеливым, поэтому, не спеша я вникал во все тонкости, и нюансы своей новой работы. А работа оказалась ой, какой интересной. Вы себе и представить не можете на сколько. Я изучал каждого постояльца, пытаюсь подобрать ключик к его душе. Вечерами, засиживаясь допоздна в кабинете, мог вообще не пойти домой. Хорошо еще, что не был женат в ту пору, не то супруга потребовала бы объяснений. Где, и как я

провел все это время, раз не пришел ночевать.

И вот, в один из таких вечеров, в дверь лечебницы постучали. Погода стояла холодная, дождливая. Накинув на плечи плед, и взяв в руку лампу, я пошел к двери.

– Кто вы? – Спросил я и приложил ухо к дверному полотну. Снаружи кроме шума дождя не было слышно ничего. Я еще раз спросил. И снова, кроме льющейся и капающей воды ничего не услышал. Интересас ради, решил выглянуть, и посмотреть, есть ли вообще там хоть кто-нибудь. Но как только я открыл замок, дверь распахнулась, и внутрь ввалился человек. Он промок насквозь, и уже начинал замерзать. Одежда прилипла, и напоминала морские водоросли. Губы посинели, и тряслись. По лицу струйками стекала вода, даже глаза, и те покраснели.

– Здравсьте! – Поприветствовал я, и прямо около двери начал стягивать с ночного гостя мокрую куртку. – Как же вас в такую непогоду занесло сюда?

– Да, вот... – пролепетал он, унимая зубную дрожь.

– Пойдемте! – Пригласил я жестом, и отдал ему свой плед. В одной руке держа лампу, в другой мокрую одежду, я быстро шел по коридору. За спиной отчетливо слышалось хлюпанье ботинок, полных воды. В кабинете, откуда я только что вышел, тлел камин, переливаясь красными огнями.

– Раздевайтесь! – Скомандовал я. – Завернитесь в плед, и раздевайтесь. Обувь тоже снимайте!

Гость нерешительно потоптался на месте, а потом нагнул-

ся, и стал разуваться. Но нагнулся он с такой грацией, с такой легкостью, что я невольно позавидовал ему. Вскоре из одежды на нем был только мой плед. Мы придвинули кресло ближе к очагу. Продрогший гость расположился в нем, и укрылся пледом. Я подложил дрова в камин. Они быстро занялись ярким пламенем. В комнату начало вползать тепло. Мокрую одежду я отжал в раскрытом окне, и развесил над камином. Прогретая огнем, она сразу же начала источать еле заметный пар. Мокрые ботинки мы поставили тут же, на каминную решетку. Дрожь гостя унялась, он явно согревался. Лицо утратило синюшный оттенок, а зубы перестали стучать.

– Спасибо! – Сказал он, глядя на огонь.

На вид лет двадцать, невысокого роста, крепко сложен. Скорее всего, его работа связана с физическим трудом. – Подумал я. Но было в нем что-то не от простого трудяги. То, как он держал голову. Гордо, с достоинством. В движениях чувствовалась некая пластика, совершенно не свойственная грузчикам, или другим профессиям, связанным с тяжелым трудом.

Я подошел к стенному шкафу, где хранились всевозможные бумаги. Там, на нижней полке, за закрытыми дверями я держу бутылочку восхитительного вина. Признаюсь откровенно, не испытываю страсти к горячительным напиткам. Скажу более, меня страшно раздражают пьяные люди. Но, согласитесь, порой хочется после тяжелого дня, развалиться в кресле с трубкой в зубах, и потягивая из бокала хоро-

шее вино. Такое ощущение, что три эти действия как-то дополняют друг друга, и по отдельности не имеют такого удивительного влияния. Я налил два бокала, себе и гостю. Ему нужно было согреться, а я приготовился к тому, что должно было вскоре произойти. Проработав с людьми довольно долго, я научился улавливать момент, когда человек хочет чем-то поделиться. А учитывая, мокрую одежду, и мое гостеприимство, сидящий в кресле обязательно вскоре заговорит. Бокал вина ему только поможет в этом.

Камин слегка потрескивал разгорающимися поленьями, гость сидел, и казалось, прислушивался к чему-то. Потом тряхнул головой, прогоняя наваждение, отпил из бокала, и заговорил.

– Я теперь ко всему прислушиваюсь. – Он повернул голову в мою сторону. – Вам не кажется, что в звуках, окружающих нас, можно что-то услышать?

– Что услышать? – Спросил я.

– Почти год назад я стал отцом. – Начал свой рассказ мой ночной гость, после долгой паузы. – Ребенок был желанный, и мы оба, я и жена, с нетерпением ждали его появления. Но родился он не как все. Он появился на свет в абсолютной тишине. Мне рассказывала потом повитуха. Сам то я не присутствовал, боюсь зрелищ такого рода. Но с ее слов, в момент рождения, она словно бы оглохла. Все вокруг наполнилось тишиной. Даже жена, тяжело дышавшая в тот момент, замерла и затаила дыхание. И в этот миг появился он. От-

крыл глаза, сделал первый вдох, набрав полную грудь воздуха. Но, вместо того, чтобы закричать, и возвестить всему миру о своем рождении, он просто облегченно выдохнул. Это был выдох путника, который прошел трудный путь, и наконец добрался до цели. Казалось, младенец вдохнул в комнату жизнь. И она вновь наполнилась звуками. Разными. Обыденными. К которым мы настолько привыкли, что не замечаем их вообще. Но именно так звучит жизнь. Даже тишина имеет свой голос. Нам только кажется, что она молчит. А ведь она говорит. На своем, особенном языке.

Ребенок не издал ни звука. Ни при рождении, ни потом. Жена приняла это как проведение Божье, как испытание, которое было послано ей. Мать не может меньше любить ребенка только за то, что он немой, или калека. Мать любит свое дитя просто так, всем сердцем, не взирая ни на что. И нет ничего в мире чище материнской любви. Другое дело отцовская любовь. Никто не может сказать, что это такое. Да, она есть, но какая? В чем выражается? Не знаю. Что я почувствовал, когда впервые увидел сына? Всеобъемлющую любовь к этому крохотному созданию? Нет. Я почувствовал волшебство. Касание чуда. Рождение жизни. В младенце, что сейчас лежал на руках жены, есть душа. Она делает его живым. И мне совсем неважно сможет он говорить в будущем, или нет. Он мой сын. Он часть меня, и часть моей души.

Ребенок рос смышленным, и подвижным.хлопот с ним

у нас не возникало. Хоть он и молчал все время, но, мне кажется, понимал гораздо больше тех, кто не умолкает вообще. Мы были счастливы. Все втроем. Как вы догадались, эта идиллия не могла продолжаться бесконечно долго. Вскоре я стал замечать, что жена как-то по-другому смотрит на сына. Не так как раньше, с безграничной любовью. Теперь в ее взгляде порой читалась тревога, или недоумение. Я спрашивал, но она отмахивалась, говоря, что нет ничего серьезного. Может, она не хотела говорить, потому что боялась, что я не пойму ее. Может, не знала, как об этом сказать. Я терпеливо ждал, но видел, как она меняется. Теперь уже было ясно, с ней что-то происходит. И вот, однажды, она собралась с силами, и призналась:

– Милый, мне кажется, я слышу нашего малыша.

На мой недоуменный взгляд она продолжила:

– Я знаю, он не говорит. Но, когда он на меня смотрит, и я слышу его дыхание, я готова поклясться, что слышу его голос. Едва различимый, почти незаметный. Он напевает мою колыбельную. Ту, что пою каждую ночь. Я начинаю подпевать ему, и он, видя, что я услышала, улыбается мне.

И тогда я испугался. Испугался по-настоящему. Дело в том, что наша работа связана с большим риском. Мы семья цирковых актеров, и наши выступления требуют предельной концентрации. От этого зависят наши жизни. Поэтому, когда партнер начинает слышать голоса, жди беды.

Ночной гость замолчал, и допил остатки вина. Я понял,

что наступила трагическая часть рассказа. Некоторое время гость глядел на прогорающие поленья, потом встал, и проверил высохла ли его одежда, развешенная на камине. Я поднялся со своего места, и наполнил опустевшие бокалы. Гостю, чтобы смягчить воспоминания об утрате, и себе, за компанию.

– Мы репетировали, когда она сорвалась. – Продолжил он, после нескольких глотков вина. – Номер был несложный, и я даже представить не мог, что такое может случиться. Мы летим навстречу друг другу, еще мгновение, и я почувствую ее пальцы в своей ладони. Но, за мгновение до этого она отводит взгляд в сторону, словно услышала что-то. Будто хотела обернуться на чей-то голос, позвавший ее. Кончиками пальцев я почувствовал холод воздуха, который колыхнулся, когда ее пальцы прошли в сантиметре от моих. Она поняла, что ошиблась слишком поздно. Глаза расширились, в них мелькнул испуг. Потом, смирившись с неизбежным, она закрыла их, и полетела вниз, навстречу своей смерти. А я смотрел, не в силах что-то сделать, видя, как она летит, приближаясь к земле. Такой я ее и запомнил навсегда. Летящей. Не падающей, а летящей. Волосы развиваются, глаза закрыты, а в уголках губ спряталась улыбка.

Вот так, полгода назад я стал вдовцом. Единственным близким человеком для меня теперь был сын. Тогда я и понял, что такое материнская любовь. Почувствовал и испытал. Когда всего себя отдаешь без остатка, а взамен получа-

ешь улыбку. Простую детскую улыбку. Или чувствуешь, как тебя обнимают маленькие ручки. Обнимают, и прижимаются к тебе с такой безграничной любовью, которую не выразить и миллионом слов. Я словно растворился в сыне, проводя каждую свободную минуту с ним. Но работу не бросил, все также продолжая выступать на арене цирка. Мои номера стали одиночными. Гимнасту, у которого разбился напарник очень сложно подобрать замену. Никто не хочет доверять свою жизнь тому, с кем уже однажды случилось несчастье. Я выступал отрешенно, словно выполнял заученные команды и движения, а мой разум отключался. Фантазия переносила меня к сыну, или я вспоминал наши с покойной женой выступления. На качестве это не отражалось, мы же профессионалы, и можем выполнять нашу работу чуть ли, не с закрытыми глазами. Но чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что есть нечто неуловимое, что-то постоянно ускользающее от моего взгляда. То, что окружает меня постоянно, но остается невидимым.

Пару месяцев назад я понял, о чем незадолго до смерти, говорила жена. Понял потому, что услышал. Среди шума аплодисментов, после выступления, я услышал ее. Хлопки в ладоши, разные по силе, и тону, сливались в один общий гул, схожий с грохотом водопада. Однако слух выбирал отдельные из них, какой-то определенной громкости и тональности, и они стали превращаться в слова. Она говорила со мной. Только вместо губ у нее была тысяча рук. Внача-

ле я улавливал лишь ее интонацию, но от выступления к выступлению, вскоре различал отдельные слова, а иногда и целые фразы. Мне хотелось, чтобы овации длились как можно дольше, чтобы я мог спокойно поговорить со своей женой. Сказать, как сильно ее люблю, услышать ее ответ.

Голос рассказчика дрогнул, а в отблесках пламени каминна сверкнула мокрая от слез щека. Тогда я понял, что когда открыл дверь, и впустил гостя на порог лечебницы, лицо его было мокрым вовсе не от дождя, а от слез. И красные глаза совсем не от холодного ветра. Я понял, почему он с удивительной легкостью и грацией наклонялся, чтобы развязать шнурки и разуться. Те вопросы, которые появлялись, вскоре сами находили ответ. Одно только никак не укладывалось. Что он здесь делал в столь поздний час? По всему получалось, что сумасшедший сам пришел в лечебницу для душевнобольных. Случай небывалый, такого еще не было. Я отогнал от себя эти мысли, и продолжил слушать гостя.

– Понимаете, – сказал он. – Со мной что-то происходит. Я вижу это, но ничего не могу с собой поделать. А еще мне страшно. Но страшно не за себя, а за сына. Кто позаботится о нем, когда меня не станет. Должен быть какой-то страховочный вариант, на тот случай если вдруг со мной случится непредвиденное. А задумываться над этим я начал совсем недавно. И знаете почему?

Гость вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, не знаю. – Покрутил я головой.

– Теперь я не слышу жену. – Он встал с кресла, и подошел к развешенной на камине, уже просохшей одежде. Снял ее, и принялся одевать. Ему было приятно, он кряхтел от того что она горячая. Последними были туфли. Хоть он и понимал, что они не просохли полностью, но все равно собирался уходить. Я выглянул в окно. Дождь не закончился, но заметно утих.

– Пора? – Спросил я вставая.

– Да. – Гость кивнул. – Спасибо за то, что пустили переждать непогоду, за то, что выслушали, и за вино. Вино у вас просто удивительное.

Мы вышли из кабинета, но теперь не быстро двигались по коридору, а шли не спеша, словно оба о чем-то задумались. Я размышлял о том, что идущий рядом человек исцелился, и больше не слышит голос умершей жены. Возможно осталась привычка прислушиваться к окружающим звукам, но это вскоре должно пройти. Что это было? Временное помешательство, или еще какое-то отклонение? А может дар, позволяющий поговорить с тем, кто покинул тебя навсегда. Ночной гость подошел к двери, и взялся за ручку. Но перед тем как надавить на нее обернулся.

– Мне не хватает ее голоса. Я теперь не выступаю ради аплодисментов. И она больше не говорит со мной голосом тысячи ладоней. Ее я больше не слышу. – Он тяжело вздохнул. – Теперь я слышу ЕГО.

– Кого? – Недоуменно спросил я.

– Сына. – Ответил гость, и чуть помолчав, продолжил. – Мы иногда разговариваем, или поем колыбельную, которую ему пела мать.

Я подумал тогда, что хорошо было бы, если сегодняшней гость пришел и завтра. Это уникальный случай. Человек подошел вплотную к грани безумия, и находится в одном шаге от него. Он пока еще может осмысленно говорить, и не понимает, что тяжело болен. Но скоро иллюзия полностью поглотит его рассудок.

Гость пожал мою руку, вновь прозвучали слова благодарности. Потом он окинул взглядом помещение, и открыл дверь.

– Доброе место. Хороший приют. – Произнес он, но слова адресовались не мне. Было похоже, что он разговаривал сам с собой. Что-то вроде мыслей вслух. Гость поднял воротник куртки, и втянув голову в плечи, зашлепал по лужам прочь от лечебницы. Я еще немного постоял, глядя ему вслед, приотворил дверь, закрыл замок, и вернулся к себе в кабинет. Весь следующий день я ждал появления ночного гостя вновь, но тщетно. Он не появился ни на следующий день, ни через день. Больше мы никогда не встречались. Однако примерно через месяц, поздно вечером, в дверь лечебницы постучали. Когда я открыл ее, то увидел на пороге большую корзину. В ней, укрытый одеялом до самого носа, спал ребенок. Рядом лежала записка с именем «ВАРО».

Через пару недель Ленистр оформил все необходимые бумаги, и перевез мальчишку к себе домой. Из несостоявшегося кабинета решено было сделать еще одну спальню. Дружно засучив рукава, они освободили комнату от скопившегося хлама, и, расположившись на дощатом полу, принялись рисовать проект кровати для нового жильца. Проект получился грандиозным. А утром они приступили к его воплощению. Работа кипела почти месяц, и прерывалась только на обслуживание таймеров. У мастера теперь был помощник, а у юного помощника интересный и мудрый наставник. Вдвоем они пытались воплотить в жизнь несбыточное. Они так сдружились, что умудрились даже несколько раз поссориться, во время изготовления этой кровати.

С нее невозможно было упасть, потому, что она занимала всю комнату, от стены до стены. На входе, бросалось в глаза, что потолок немного низковат, но это был не потолок. Из всех стен, соединяясь в середине, тянулись канаты. Они образовывали многолучевую звезду, поверх которой наложили спираль. Она рождалась в центре, и с каждым кругом становилась все шире, и шире. Пока не касалась одной из стен. Это была кровать в форме паутины. Было похоже, что в дом забрался огромный паук, и свил здесь свою ловушку. В паучью сеть попало плотное покрывало с подушкой

и одеялом. Канаты были натянуты так, что почти не провисали под тяжестью Варо, а хорошо закрепленное толстое покрывало, создавало у спящего, ощущение ровной поверхности.

Вдоль одной стены стояли платяной шкаф, высокий комод, тумбочка, и табуретка, которые поначалу использовались как лестница. У другой стены, возле окна, был рабочий стол со стулом. Попасть вверх на кровать неподготовленному человеку можно было только по импровизированной мебельной лестнице. Спуститься же, практически везде, где расстояние между канатами позволяло прыгнуть вниз. И пока тело Варо не окрепло, он пользовался лестницей, но уже через пару месяцев, мог просто поднять руки, и подтянувшись исчезнуть под потолком, практически не прилагая при этом никаких усилий. Хотя правильнее будет сказать над потолком. Там он развесил всевозможные образцы пород деревьев. Они свисали этакой гроздью из брусочков и кубиков. При прикосновении они перекатывались, и едва слышно постукивали. Под эти звуки Варо и засыпал. Для него это было что-то вроде сказки на ночь. Он протягивал руку, касался, и дерево отвечало. Глаза сами закрывались, а воображение начинало рисовать красочные иллюзии, под этот тихий деревянный шепот.

Каждый день они приходили к загадочному первому таймеру, и открывая обнаруживали внутри тринадцать монет. Учитель поведал Варо о некой странности механизма, благодаря которой, там ежедневно куда-то пропадали вначале одна, а с недавнего времени, две монеты. А может это и не странность была, а особенность. Простой с виду механизм, внутри был единым целым, и если исключить, хотя бы одну, маленькую детальку, часы бы остановились, и перестали работать.

Монетоприемник состоял из трех лоточков. Механизм, открывающий зрителю циферблат со стрелками, запускался когда деньги оказывались внутри. Замком служила маленькая собачка, удерживающая крышку в закрытом состоянии. Она откидывалась в сторону, когда ключ проворачивался в скважине. Сами же часы состояли из пружины, свитой из трех пород дерева, трех шестеренок, которые вращали стрелки, и маятника, задающего ритм работы. Все детали, не смотря на их кажущуюся хрупкость были сделаны добротно и качественно. И они были деревянными.

Самой мощной и надежной частью была пружина. В ней было несколько нитей, перекрученных между собой. Вместе они не только делили нагрузку, равномерно распределяя ее, но и как бы помогали друг другу. В общем, если не присмат-

риваться, можно было подумать, что это одна мощная деревянная пружина с необычным текстурным рисунком. Она никогда не ломалась, и была самой надежной деталью.

А вот самыми изнашиваемыми оказались шестерни. Даже не они сами, а их зубцы. Они или стачивались под нагрузкой, или просто ломались. Конечно, какое-то время механизм мог обходиться без одного или двух зубьев, но тогда вся нагрузка распределялась на остальные части устройства, что сокращало их ресурс службы, и влияло на точность часов.

В мастерской, у плотника были заготовленные на всякий случай готовые шестеренки, и прочие запчасти. И он, видя поломку, или какой-то непорядок, легко и быстро устранял его. При всех ремонтно-восстановительных работах теперь присутствовал его ученик. Ему было все интересно, и он с любопытством наблюдал за своим учителем. Который, казалось, забыл, что такое молчание. Он не умолкал ни на минуту, комментируя каждое свое действие. Ленистр спешил поделиться всеми своими знаниями и наблюдениями. Но не для того, чтобы сбросить бремя работы на юные плечи, а для того, что считал своего ученика способным, правильно применить эти знания. Огорчал только тот факт, что он не услышит от него ни слова.

Наконец, наступил тот день, которого они оба ждали с нетерпением. День когда Варо должен был один сходить, и обслужить одну из коробок мастера. Выслушав все на-

путствия, и получив необходимые инструменты, они расстались на пороге. Учитель смотрел вслед удаляющейся спине, и от нетерпения теребил подол своей рубашки. Когда юноша скрылся за углом, он пошел, и еще заварил себе чай. Ожидание за столом не такое утомительное, как на пороге, или на улице. Вид из окна успокаивал, и заставлял думать о вечном. Разгоралось лето. Зеленое, жаркое, с неутомимыми мухами, и холодной освежающей водой. Весна – пора зарождения. Лето – время созревания. Осень – богатое урожаем. Зима – ночной сон, когда все должно отдохнуть. Это время волшебных сновидений, время чудес, и исполнения желаний. Пушистый снег – чем не магия? Говорят, что это одеяло, которым нас укрывают для того, чтобы сон был красивым, и добрым. Чтобы наши души не замерзли. Чтобы северный ветер не пугал их своими кошмарами. Чтобы укрывшись теплым снегом, мы заснули, и не просыпались до самой весны. А уж тогда, с первой каплей, стряхнув с себя сонное наваждение зимы, радовались бы каждому цветку, и листику, который пробился наружу.

Сердце Варо готово было выпрыгнуть наружу, от переполнявших его в это время эмоций. Но внешне он оставался сдержан, и собран. Это было первое, самостоятельное задание, и он должен выполнить его точно, и без приключений. До заветной коробочки оставалось чуть больше двух кварталов. Ярко светило солнце, и высокое голубое небо населяли небольшие, больше похожие на клочки ваты, облака. Легкий

ветерок шевелил листья на деревьях. Они перешептывались друг с другом, обсуждая одинокого парня, который шел, глядя прямо перед собой. Сумка слегка позвякивала при каждом шаге, стучаясь о спину. Широкая лямка от нее перечеркивала грудь Варо от плеча до бедра. Он шел, широко размахивая руками, и стуча каблуками по мостовой. В его голове пели птицы, в ритм его шагам. Он двигался под музыку, которую сам же и производил.

Вот и она, деревянная коробка, к которой он так спешил. Мелодия стихла, остался только едва слышный стук сердца. Но и он растворялся, уступая звуку, доносившемуся из таймомера. Это было ритмичное тик-тик-тик-тик. Варо потянул за лямку, и сумка переползла со спины на живот. Он откинул клапан, и запустил туда руку. Слегка повозившись, с задумчивым выражением лица, он извлек деревянный ключ, и вставив его в скважину, провернул до характерного щелчка. Звук, доносившийся из коробки, изменился. Юноша откинул крышку, и заглянул внутрь.

Маятник вращался туда-сюда, одна шестерня двигалась быстро, другая медленно, а третья вообще едва заметно. Варо отодвинул шторку, и взглянул на стрелки. Они двигались так же, как и шестеренки. Проверив точность работы, и ссыпав мелочь, он подкорректировал показания. Когда он это делал, ему показалось, что он слышит едва различимое, недовольное, бормотание. Он оглянулся по сторонам, но никого не увидел. Тогда он решил, что может часы мастера из-

дают такой звук, и приблизил лицо почти вплотную к механизму. Издалека могло показаться, что кто-то засунул голову в деревянную коробку, и застрял там. Не шевелясь, чтобы не шуршать одеждой, он слушал с замершим сердцем. Недовольное бормотание повторилось. Теперь он различал отдельные слова. Но это был не один голос, а несколько. И они переговаривались между собой. Кто это? Внутри никого. Варо еще раз осмотрел устройство, как снаружи, так и внутри. Никого. Ни единой живой души. Но голоса были слышны, он их пусть и не отчетливо, но слышал. Засунув снова голову в коробку, Варо напряг свой слух, и замер.

Внутри кто-то говорил, что не будет больше работать за бесплатно, что он тоже рассчитывает на вполне адекватное вознаграждение. Он требует награду немедленно. В противном случае, он прекратит свою работу, и тогда все пожалеют, что связались с ним.

Шея у ученика затекла, и неудобное положение тела, не позволили дальше подслушивать ругающихся. Он медленно закрыл коробку, и, все еще находясь под впечатлением от пережитого, убрал ключ в сумку. Потом отправил туда же мешочек с деньгами, и потянув за ляжку, переместил ее за спину. Ступни его ног развернулись, и взяли курс домой. Музыка и песен в его голове больше не звучало, там сейчас творилось непонятно что. Вперемежку с его собственными мыслями, там были слышны отголоски подслушанной беседы. Он шел, приближаясь к дому, даже не заметив, что от-

сутствие его слегка затянулось. На крыльце его встречал Ленистр. Увидев задумчивого ученика, он спросил:

– Что-нибудь случилось?

Получив в ответ успокаивающую улыбку, которая значила: « Не волнуйся, все в порядке», мастер успокоился. Читать мыслей он не умел, но по лицу Варо понял, что волноваться и правда не о чем. Они прошли в дом, и сели за остывший ужин, после которого Варо убедил Ленистра не ходить больше к первой коробке. А если и ходить, то только с ним. Вы спросите как он это сделал? Слушайте.

Он отдал мастеру все инструменты, мешочек с деньгами, а когда дошла очередь до ключа, он показал его, и убрал в карман, показав жестом, что ключ теперь принадлежит ему. Затем, изобразив пальцами шагающего человека, и хлопав себя ладонью по груди, дал понять, что теперь он будет туда ходить. На возражения Ленистра, он ответил, хлопнув в грудь себя и его. Это означало: «Вместе».

Следующим вечером они пошли к этой коробке вдвоем. Но Ленистр был не особо разговорчив в этот день, и больше наблюдал за Варо и его действиями, чем что-то делал сам. Но все же, что-то в поведении ученика изменилось. Это был тот особенный наклон головы, когда к чему-то прислушиваешься, затаив дыхание. Не осталось незамеченным и то, как он, выполнял свою работу – крадучись, словно боялся спугнуть кого-то, производимым шумом. В тот день они заменили одну шестеренку. Самую большую. Она почему-то

лопнула. И хоть механизм не остановился, а продолжал исправно отсчитывать секунду за секундой, точность его была под угрозой. Ученик словно догадывался, что какой-то узел должен выйти из строя, и захватил с собой почти весь набор запчастей.

После того, как он установил новую шестеренку, он еще долго стоял, и слушал работу механизма. Ленистр подергал его за рукав, но Варо поднял вверх указательный палец, призывая к тишине. Спустя минуту, или две, удовлетворенный выполненными манипуляциями, он плавно закрыл крышку. Защелкнув замок, он спрятал ключ в карман, и жестом предложил учителю продолжить их вечернюю прогулку. Они шли по улице как отец с сыном, молча, размышляя каждый о своем.

– Ты что-то заметил, Варо?

Юноша вопросительно посмотрел на мастера.

– Там, в тайммере.

Парень махнул рукой перед лицом, как бы отгоняя муху.

– Раньше ты не прислушивался к ним. – Ленистр сделал паузу – То есть ты знал как они звучат, но ты не прислушивался к ним. Словно по звуку ты можешь выявить неисправность.

Варо, немного задумавшись, кивнул.

– Так это же хорошо, мой мальчик! Ты мне потом расскажешь о своих наблюдениях?

Ответом учителю была широкая улыбка, и очередной ки-

ВОК ГОЛОВЫ.

В этот вечер они прогулялись до каждой из коробок, где Варо склонившись над механизмом, старался услышать хоть что-то, кроме мерного тик-тик-тик. К его величайшему потрясению, в этот вечер он не услышал ни единого слова. Ничего, кроме обычного звука машины. Крутился маятник, стучали шестеренки, с тихим шорохом двигались стрелки. И больше никаких посторонних шумов: бормотаний, ругани, причитаний, криков радости. Ничего.

Это был вечер потрясения. Вечер осознания упущенного чуда. Как тогда, когда увидел монету на земле, и прошел мимо. А потом вернулся, а это и не монета вовсе. Но ты уверен, в глубине души, что она была там. А пока ты возвращался, ее кто-то подобрал, оставив тебе что-то похожее на нее. Лежа на спине, и перебирая пальцами свою деревянную гроздь, он прислушивался к ее звуку, и что-то было в нем знакомое. Словно услышал в толпе знакомый голос, но не можешь различить слов, а только интонацию. Глаза уже начали осоловело закрываться, когда мысль, настолько светлая, что способна озарить все южное полушарие, буквально распахнула веки. Варо юркнул с кровати вниз, и затоптал к сумке, с которой они ходили вечером. Достал из нее ту самую, сломанную шестеренку, и вернулся к себе в кровать. Там он подвесил ее к деревянной грозди, и умиротворенный откинулся на подушку. Потом поднял руку вверх, и его пальцы коснулись дерева.

– Чертова коробка! Как же хорошо оказаться на свободе. – Это было то самое бормотание, которое он слышал накануне. Тот же голос.

Варо еще раз коснулся деревяшек, и затихший голос продолжил свои причитания. Парень закрутил как можно сильнее веревку, и отпустив ее, улегся на подушку. Он приготовился слушать рассказ сломанной шестеренки.

– Ты, наверное, ученик мастера? Можешь не отвечать, я и так знаю это. Мы, хоть и не имеем глаз, но все знаем. Знаем, и молчим. Но я не такой! Я молчать не буду! Мне, до плесени в боку надоело отдуваться за всех. Все! Хватит. Теперь я отдохну, а они пусть вкалывают как каторжники.

Я хорошо помню свой первый день. Мастер вырезал меня из куска дуба, и вставил в механизм. Помню, как я прошел свои первые шаги по зубьям другой шестеренки, и споткнулся, едва не сломав несколько зубов. Меня извлекли, и кое-где поправили, так, чтобы я не торопился, но и не отставал. Потом было обучение. Это когда тебя гоняют туда-сюда в разных режимах, выясняя, на что ты способен, и какой из твоих зубцов подлежит доработке. А потом было помазание. Меня, еще совсем юного, хотя и добротного высушенного, опустили в горячее масло. Лучшее момента не было, за мою, не столь длинную жизнь. Я наслаждался, чувствуя, как оно проникает во все мои поры, как заполняет свободные пазухи, делая меня сильнее, и выносливее. Примерно через неделю масляной неги, я оказался внутри, среди таких же, новеньких

и воощеных.

Но, дело в том, что я не такой, как они. На них нет такой нагрузки как на меня, поэтому я не березовый, а дубовый. Соседями по цеху оказались двое. Кленовый, и Буковый. Те еще жуки, я хочу сказать. Не перетрутся никогда. Один «белая кость», простой грязи боится, а другой все уши прожужжал, что он потомок аристократа какого-то. Ну, с Буковым я не крутился, а вот с Кленовым довольно тесно пришлось поработать. Но, основная нагрузка, как ты уже понял, ложилась на мою ось. А он только вращался свободно, подталкиваемый мной, да терся с корешем-аристократом.

Как же я любил доставать его. Специально, возьмешь, собираешь масла густого, темного. Целый месяц копишь его, откладываешь, чтобы никто не видел. Пару зубьев вымажешь, и крутишься, ждешь, когда они до Кленового дойдут. Шаг за шагом они все ближе к нему и ближе. Поначалу я молчал, чтобы потом насладиться истошными воплями чистюли, который в каку наступил. Но со временем понял, что если предупредить его, то еще интереснее получается. Кленовый белозубик видит: дерьмо к нему идет, а сделать ничего не может. Я-то вращаюсь с напором, остановить меня – значит лишиться какого-то количества зубьев. Причем не моих. Но, как же он старается отсрочить проникновение в нечистоты, как, буквально втягивает в себя зубцы, чтобы не всей поверхностью вляпаться, а хотя бы краешком. Это зрелище дорогого стоит. Ради такого можно и еще месяцок

масло по сусекам пособирать.

А потом крик. Как самая приятная в мире музыка, когда он все-таки влез в приготовленное специально для него, грязное масло.

– Дубило!!!

– Что случилось? – говорю – Чего орешь? Опять испачкался? Бедняга. Но ты не думай, я тут не при чем. Я, как только у себя на зубьях эту гадость увидел, сразу тебя предупредил. Мы же друзья. В одном механизме все-таки работаем.

Эх, славный он был Кленовый белозуб. Безобидный абсолютно. С юмором, правда, у него туго было, все близко к сердцу принимал. Но, мне кажется, погубило его влияние Букового аристократа. Я-то знаю, что бук как береза, и ничего ценного и благородного в нем нет, а вот чистюля, оказался не настолько образованным. Он начал верить во все те байки и истории, которые ему каждый день рассказывались. Потихоньку, его убедили, в том, что клен и бук, одного семейства. Что он тоже в каком-то поколении аристократ, и достоин большего. Сама судьба уготовила для него другую участь. Участь стать главным в механизме. Но для этого ему нужно задать свой ритм работы. Буковый сам бы с радостью занял место маятника, но у Кленового расположение гораздо выгоднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.